Центральная часть города всегда – и в детстве, и теперь – была для Виктора не просто любимой, но и в какой-то степени родной территорией. Да, последние пятнадцать – двадцать лет город расширился новыми микрорайонами с оригинальной архитектурой домов, с просторными современными аллеями и парками, но старый центр с его низкорослыми кирпичными и панельными пятиэтажками, соседствующими с точечно встроенными высотными свечками, был и знаком, и ведом. Как альбом с фотографиями, где на каждой странице хранится своя частичка прошедшей жизни.

А ещё в центре, в небольшой двушке на девятом этаже (куда она вознеслась из частного дома, попавшего под снос), жила мама Виктора, Антонина Васильевна, и сегодня ей стукнуло ни много ни мало, а ровно шестьдесят пять лет.

«Как время-то летит! – размышлял Виктор, проходя через тенистый двор, стараниями жильцов благоухающий цветочными клумбами. – Вроде не годами даже, а пятилетками. Недавно только на пенсию вышла… Щёлк-щёлк – и уже шестьдесят пять!»

Виктор долго соображал, какой подарок подарить маме, чтобы угодить ей, тем более дата обязывала. И, мысленно перебирая в голове утюги, электрочайники, комплекты постельного белья и столовую посуду, додумался в конечном итоге до того, что в советское время, то есть в годы молодости Антонины Васильевны, считалось лучшим подарком. А додумавшись, действовал быстро и решительно: отправился в «Книжный мир», где, ни минуты не колеблясь, купил подарочный семитомник избранных детективов Агаты Кристи.

С этой весомой ношей и с лёгким от верного решения сердцем Виктор подошёл к двери маминого подъезда.

«Сейчас опять будет: «Открываю, открываю», – с усмешкой подумал Виктор, набирая на клавиатуре домофона номер маминой квартиры. – И ведь не спросит ничего!»

– Открываю, открываю, – послышался искажённый динамиком голос Антонины Васильевны.

– Мама, это я, – скорее для порядка, чем по необходимости, сказал Виктор забулькавшему сигналом домофону, уже выбросившему на дисплей красную надпись open.

Пока Виктор ждал вызванный лифт, входная дверь хлопнула ещё раз и впустила его родную сестру Светку – вторую гостью на сегодняшнем празднике. Так получалось, что больше, кроме них, и прийти-то было некому. Светка в свои сорок шесть лет ни разу не была замужем, жила одна и не имела, как говориться, ни ребёнка, ни котёнка. А у Виктора хоть и был полный комплект – жена, двое детей и даже тесть с тёщей в деревне, но…

Впрочем – это долгая история. И совсем другая…

А что касается Виктора со Светкой, то, кроме мамы, у них не было никого. И отца в том числе. Вернее, он когда-то был, но сейчас – где и что, они не знали. Отец ушёл к другой женщине, когда Светке было девятнадцать, а Виктору восемь. Первое время про него доходили обрывочные известия, что шоферит где-то на Севере, что пьёт сильно, а потом всё стихло. Антонина Васильевна больше замуж так и не вышла. Всё как-то у неё после развода не сложилось, детей поднимать нужно было, потом болезни навалились…

Светка прижимала к объёмистой груди коробку с электрочайником, а ещё тащила с собой здоровенный торт. Песочные торты с масляным кремом она обожала, и это пристрастие к сладкому да и вообще отменный аппетит придали её фигуре «рубенсовские» очертания.

«На диету бы тебе! – подумал Виктор. – А ты – опять торт! Вижу: с чайником, я как чувствовал».

– О, Витюша, привет! – разулыбалась издалека Светка. – Вот как встретились… И хорошо – в одну дверь войдём!

– Как там здоровьишко-то у матери? – спросил Виктор, давя на кнопку вызова лифта. – А то сама ведь не скажет сроду…

– Да вроде ничего последнее время… Только ноги опухают, ходить не может… Давление. Сосуды, чтоб им пропасть!.. Так вот дома и сидит. А твои дела как?

– Да как, как? Мои дела ты знаешь… Изменений не предвидится.

Спустившийся сверху лифт распахнул свои разъёмные двери, осветив матовым светом кабины стоящих рядышком брата и сестру. Виктор, спохватившись, потянулся к коробке покрупнее, чтобы облегчить Светке нелёгкую праздничную ношу, но Светка тортик категорически завела себе за спину, протянула Виктору упаковку с чайником и первая шагнула в лифт. Виктор пошёл было за ней, но на входе притормозил, не давая дверям лифта закрыться. Створки сошлись к его широким плечам и отпрянули обратно.

– Слушай, Свет, ты матери-то не говори, что мы с Ольгой разбежались… Пока не надо, а там как-нибудь… Незачем её волновать…

– Это само собой! Главное – ты сам будь готов, если спросит…

– Скажу, что всё нормально…

– Дурак! Нор-маль-но… Тут нужно конкретно говорить! Она же спросит что-нибудь… Где, мол, они? А ты что?

– Ничего! Ты – больно умная. Я расскажу как есть, а у неё опять давление подскочит! Кому это надо? Я лучше… что-нибудь соображу.

– Да уж ты сообрази, сообрази! Мыслитель современности… Ха-ха-ха! Ладно, Витюша, не злись, пошутила я. Язык у меня такой – подумать не успела, а уже сказала…Ты справишься! Поехали, а то лифт сломаешь – попрёмся на девятый пешком…

Виктор шагнул внутрь, и двери, не встретив сопротивления на пути, сомкнулись за его спиной.

– Эх, Витюша, – по старшинству принялась отчитывать Светка, пока лифт вёз их на девятый этаж, – не семья у тебя, а одно недоразумение.

– Сам не рад, – оправдывался Виктор.

– А я говорила тебе…

– Ну, не начинай! Ты лучше мать научи спрашивать «кто там?», когда в домофон звонят, а то открывает всем кому ни попадя.

– Да бесполезно…

Лифт, доставив пассажиров на девятый этаж, выпустил их из своих недр. Перед квартирой на площадке они увидели маму, стоящую в дверном проёме, с заметным усилием опирающуюся на косяк.

– Мама! – упрекнула её Светка. – Ну что ты нас встречаешь чуть не на улице… У меня же ключи есть! А ты ноги бы поберегла.

– Ничего, дочка! – с виноватой улыбкой ответила Антонина Васильевна. – Вы мои главные гости, вам почёт и уважение…

Все вместе они вошли в квартиру. Виктор и Светка сразу же поздравили маму и вручили подарки. Светка не мешкая отправилась ставить чай в подаренном чайнике (отмеченном Антониной Васильевной восклицанием: «Мой новый электрический помощник!»), а Виктор, усадив маму в кресло, вручил ей детективы Агаты Кристи (возглас: «Ох, Витюша, это настоящее чудо!») и принялся обустраивать местечко для семейного чаепития.

Вскорости они уже чинно пили чай из больших фарфоровых чашек, деликатно отщипывая десертными ложечками торт, вспоминая, как и положено для такого случая, о хорошем и смешном.

Сначала была история Антонины Васильевны о том, как Светкины одноклассницы бегали за трёхлетним Виктором и уговаривали его показать свои кукольно длинные пушистые ресницы, а он, взгромоздясь на забор, отвечал на невинные домогательства девчонок совсем не детскими словами, почерпнутыми им из шумных бесед сильно пьющих соседей.

Затем сам Виктор рассказал случай из юношеского прошлого, когда в пионерском лагере (будучи в старшем отряде) на дискотеке, выряженный в модные тогда брюки-колокола, пригласил девочку на медленный танец, а залетевший под штанину комар превратил всё это лирическое событие, происходящее под песню «Там, где клён шумит», в настоящую пытку.

Следующей эстафету приняла Светка и, давясь от смеха, пересказала на сто раз известную и Виктору, и Антонине Васильевне хохму про свой выпускной:

– …Ой, не могу… Глажу я платье, новое, гипюровое, для бала сшитое, а бигудюшки в кастрюльке греются. Ну, закипели, вода через край, я метнулась кастрюльку с плиты снять, а утюжок на платье оставила… Чувствую – дым! Ну, думаю…

– А ты, Витюша, почему один? – спросила Антонина Васильевна, прервав Светкину историю. – Где Оля? Где Марина с Андрюшкой?.. Соскучилась я по внучатам.

Светку этот в общем-то ожидаемый вопрос, адресованный совсем не ей, а Виктору, всё равно застал врасплох, и она выронила из рук ложку, которая с чётким металлическим звоном грохнулась на пол. Следом за грохотом повисло молчание, к счастью, оказавшееся недолгим.

– Ложка упала! – воскликнула Светка, выуживая свой столовый прибор из-под стола, и ещё ляпнула совсем не к месту: – Жди теперь в гости кого-нибудь женского пола!

Виктор оказался хладнокровнее, он коротко и сердито глянул на сестру и быстро заговорил, словно опасаясь со стороны Светки какого-то нового подвоха.

– Мам, ну это часто так полу-

чается! Видишь, у тебя день рождения летом… Они и раньше – то в лагере, то в санатории. А теперь вот к Ольгиным родителям в деревню уехали – заготовками там занимаются. А что? Воздухом дышат, природа кругом… Да и как тебя беспокоить лишний раз? А подарок – это от нас, от всех…

– А ты-то ездишь к ним, проведаешь?

– Да мне когда мам? Я ведь без отпуска…

– Но хоть звонишь?

– Конечно, мам, ну что ты! Я звоню, и они… Я вот с Андрюшкой разговаривал вчера, он там и купается, и на рыбалку с пацанами… Я ещё позавидовал ему… А он говорит, жалко, мол, к бабушке на день рождения не попадём…

– А Маришка?

– Она Ольге помогает… Они там огурцы солят, капусту…

– Да капусту, сынок, ещё рано…

– Ой, ну не капусту, а что там?.. Помидоры!.. Ей полезно по хозяйству, она уже, считай, невеста…

– Помидоры – это замечательно! – Антонина Васильевна несколько секунд помолчала, призадумавшись о чём-то, а потом сказала: – Ты, Витюша, попроси Маришку, пусть позвонит мне, я ей хороший рецепт засолки продиктую.

– Ладно… Хорошо… Передам, – замялся Виктор и, сообразив, выпалил: – А, мам, слушай, как же она тебе позвонит?! Там в деревне связи сотовой нет!

– Не-ет?! – протянула Антонина Васильевна. – А как ты с Андрюшкой разговаривал?

– Это такая деревня… – произнёс Виктор и застопорился…

Ему нужно было время, чтобы найти убедительный и правдоподобный ответ. Но как назло мозги сразу заклинило. Секунды размышления под материнским взглядом показались Виктору вечностью. На помощь пришла Светка.

– Мама, Витюша, давайте я вам ещё по кусочку тортика отрежу?! Витюша, хочешь?

– Конечно…

– Большой?

– Ну, такой, средненький…

– Вот этот с розочкой пойдёт?

– Отличный кусочек…

– Витюша, – вмешалась в разговор Антонина Васильевна, – я что-то не пойму…

– А тут и понимать нечего, – наконец-то додумался Виктор. – Я же говорю – деревня! Вышка – далеко, из дома не берёт… Андрюшка залазит на дерево и звонит. А Маришка и Ольга залезть не могут… Я через Андрюшку всё передаю… А он – мне! Дескать, всё у нас нормально!

– На дерево лазит?

– Конечно! Там у них тополь – большущий! Андрюшка ловкий такой, Ольга говорит, как обезьяна…

– Радуется! Что Андрей в неё уродился! – не удержалась от комментария Светка.

– Ну, дай бог, дай бог… – успокоилась Антонина Васильевна. – Оля-то не болеет? Она ведь всё на сердечко жаловалась…

– Да она здорова, как… Мам, да всё нормально! Не болеет!

– Ну, дай бог… Ты приветы тогда передай от меня.

– Ну, конечно, мам!.. Давай, с днём рождения тебя!

Светка, с «масляной» ухмылкой следившая за их диалогом, подхватила призыв Виктора и, сама себе дирижируя, пропела:

– Хэппи бёздей ту ю, хэппи бёздей, ту ю, хэппи бёздей, наша мама, хэппи бёздей ту ю!

– Ну, Светка! – только и смог сказать Виктор. – Ну ты!.. Как в кино… Это, мам, она тебя по-английски поздравила.

– Я всё поняла, – ответила Антонина Васильевна, пряча улыбку за нарочитой серьёзностью. – Мы ведь с твоей сестрой одни и те же сериалы по телевизору смотрим, а потом перезваниваемся...

А Виктор уже хохотал, согнувшись пополам, следом заколыхалась Светка, и мама, не выдержав напора всеобщего веселья, тоже засмеялась мягким, почти беззвучным смехом.

И они опять сидели, пили чай и вспоминали втроём радостные моменты близкого и далёкого прошлого. Потом, когда уже начало темнеть, Виктор засобирался домой, а Светка решила остаться у матери ночевать – ей спешить было некуда.

– Свет, проводи меня до лифта, – попрощавшись с мамой, позвал от дверей Виктор.

Когда они вышли на площадку, Виктор, оглянувшись на дверь маминой квартиры, тихо попросил сестру:

– Ты, смотри, молчи, как договаривались! Я и так такого страху сегодня натерпелся!.. Слава богу, всё обошлось. А врать я и дальше буду. Тем более не шибко внучатки, как подросли, к бабушке бегали-то… На Новый год от них открытки пришлю – у Андрюшки почерк на мой похож... Прорвёмся!

– О-о-о, нагородил – не перелезешь… Каким оболтусом был, таким и остался! Ладно, Витюша, не боись, не выдам! Это я так – шучу… Брат же всё-таки. Единственный и неповторимый… Только ты давай в другой раз что-то менее фантастическое придумывай, чем высокий тополь! – отчитав Виктора, Светка немного успокоилась. – А что, Ольга детям совсем не разрешает с тобой видеться?

– Да какой там видеться!.. Имя моё под запретом!

– Ну, ладно, ты – козлина для неё, а к бабушке-то пусть бы пришли!

– А ты объясни этой дуре… Понимаешь, Светка, я не хочу, как наш папаша, кануть для своих детей… Не хочу, чтобы Андрей с Маришкой без отца росли, тем более Ольга – не наша мама, она жизнь свою детям под ноги не положит… Она, скорее, сама на них обопрётся! Да хрен с ней… Закрыли тему, а то мать услышит не дай бог. Её своими заморочками тревожить не хочу.

И Виктор, чмокнув сестру, шагнул в лифт.

Светка, вернувшись в квартиру, обнаружила маму у окна – она махала Виктору, пока он не скрылся за углом соседнего дома. Затем Антонина Васильевна повернулась к дочери и негромко сказала:

– Света, ты Витюшу не ругай. Ему и так сейчас нелегко… Ольга, она – с характером! И к детям-то его поди не подпускает?

– Мам, ты о чём? – осторожно спросила Светка.

– Да всё о том же, – ответила мама. – Думаешь, не знаю, что у Витюши творится дома?.. Разлад… Думаешь, не вижу? Он-то хорохо-

рится, а внутри – как побитый… Жалко, что всё так пошло, наперекосяк… Детей всех жальче…

– Значит, догадалась? Что ж ты Витьке не сказала?

– Он будет думать, что я из-за него волнуюсь. А так…

Ты ему-то не говори, что я знаю! Поняла?

– О господи, какие вы все скрытные! – смахивая выступившие слёзы, проговорила Светка. – Как же вы так живёте? Партизаны мои дорогие…

– Ничего, дочка, ничего… Давай-ка мы ещё чайку попьём с твоим тортиком! Иди ставь чайник…